

«Я помню эту страшную войну!»

В летний день 2015 года во время непринуждённой беседы с Александрой Петровной Мишко, 1932 года рождения, она мне прямо сказала:

«Войну помню, как будто бы она закончилась вчера. В воскресенье 22 июня мама разбудила меня утром и сказала: «Дочка, отгони гусей на «Березовку». Выйдя на двор, увидела у коптильни своего деда Якова, который готовил приправу для копчения сала. Отойдя от дома метров 500, я услышала звуки моторов. Подняв голову, увидела пять черных самолетов, летящих в сторону Чернигова. Удивилась, почему на крыльях вместо звезд белые кресты. Самолёты летели невысоко, и чтобы ещё лучше их рассмотреть, я ко лбу приложила руку. Возвращаясь к дому, а они уже летят обратно, но так низко, что даже упало аистиное гнездо с крыши нашей клуни! Молодые аисты погибли, и мне стало их очень жалко. Зашла в дом и удивилась, что никого в доме нет. В печи горят дрова, жарятся блины, уже и дымок от них идет. В коптильне горит сало. Села на порог дома и заплакала по погибшим аистам. Со стороны школьного погреба слышу голос матери:

«Шура, беги сюда». Когда прибежала к ней, она сказала коротко: «Война». Откуда она узнала эту новость, я не знаю. Возможно, у кого-то из односельчан был радиоприемник.

В начале сентября со стороны Любеча приехали немцы на мотоциклах и начались тяжёлые дни моего детства. Через некоторое время немцы стали жить в школе. Для своей безопасности они стали устанавливать вокруг здания двухстенный забор. Материалом для строительства были брёвна, снятые с хозяйствен-

ных построек, даже хотели наш дом разобрать. Успели снять лишь два снопа соломы с крыши. Комендант села отдал распоряжение, чтобы дом оставили для семьи. На эти работы привлекли и местное население. Пространство между стенами засыпали песком. Для пулеметов сделали амбразуры. Полиции собирали продукты питания для сол-

дат. Зимой 1941 года у нашей семьи забрали все мясные запасы только что зарезанного кабана. Однажды мать сказала полицая, что молоко нужно детям. Он ответил: «Оставь стакан молока, а остальное отдай освободителям».

У большинства неданчуков была уверенность, что бойцы Красной Армии освободят Украину от фашистов.

Однажды партизаны совершили нападение на немецкую комендатуру, в результате чего был убит немецкий солдат и сожжён поповский дом, в котором также жили немцы и мадьяры (венгры).

Возможно, это послужило поводом для того, что часть домов на хуторе была сожжена. Когда горели дома с хозяйственными постройками, наша семья в это время пряталась в окопе-схованке с двумя выходами. Дым стлался по земле, в укрытии стало невозможно

дышать. Пришлось покинуть его и гуськом уйти в лес.

Мы часто прятались в лесу, камышах и болоте, стоя в воде. Однажды над нами пролетел самолёт. Мать сказала, что надо уходить с этого места. Вскоре снова увидели этот же самолёт. Летчик сбросил бомбу как раз в то место, где раньше сидели мы. Самолёт-разведчик летал над лесом и кустарниками с целью обнаружения партизан. (Тут я вспомнил рассказ неданчука Владимира Ивановича Мишко: «Я, шестилетняя сестра Люба и мать Прасковья Ильинична прятались в кустарнике. Когда летел самолёт, мы легли на землю, но лётчик обнаружил нас и открыл по нам огонь из пулемёта. В результате пуля пробила мне кисть руки, сестричка была убита, а мать осталась невредимой. Вот какое было наше детство». – прим. Е. А.)

Летним днём наша семья находилась за Кривой Речкой и мы стали случайными свидетелями боя между партизанами и карательным отрядом. Почему-то их потом называли «задесняне». Местные партизаны хорошо знали местность, сумели оторваться от карателей и переправиться на лодках через Кривую Речку и уйти на территорию Белоруссии. А остальные приняли неравный бой на берегу реки. Когда стрельба стала затихать, я услышала крик «ура», «ура»... Все партизаны погибли. Сколько их было убито и кто хоронил, я не могу сказать.

Однажды всех хуторян загнали в клуню и закрыли. Мадьяры принесли бензин в канистрах. Через некоторое время приехал комендант села Рихард с переводчицей Людмилой Григорьевной. Офицер сказал командиру карательного отряда, что партизаны находятся в лесу, а это мирные люди и их надо отпустить. Рихард с Людмилой Григорьевной много сделали по спасению жизней неданчуков. После освобождения нашего села Красной Армией стали говорить, что Рихард был коммунистом и за это фашисты его расстреляли в Чернигове. Людмила Григорьевна была осуждена судом на пять лет за так называемое «сотрудничество с оккупационными властями».

Когда прятались от карателей, то если чей-то ребенок начинал плакать, старшие дети шептали ему: «Не плачь, а то немецкий самолёт услышит и начнёт бомбить». Для того это говорили, чтобы каратели не услышали детский плач. Все подростки по звуку мотора могли определить тип самолёта. Так и говорили: «Это летит бомбовоз, надо бежать в окоп».

Наша семья пряталась на «острове», и я запомнила такой эпизод, который произошёл в августе 1943 года. От Днепра шёл немец с винтовкой на плече, а рядом с ним шла мать с ребёнком на руках, а её сын уцепился за юбку. Когда они дошли до большой лужи, солдат взял малыша на руки (подумала ещё, что он будет его топить) и... перенёс через лужу. Дал детям

кусочки сахара. Заплакал. Потом на пальцах пояснил, что у него четверо детей и он по мирным людям не стреляет.

22 сентября 1943 года наши солдаты выгнали фашистов. Мама сказала: «Сходи, дочка, на железнодорожную станцию, там много солдат, и спроси у них, не видали ли они твоего отца Петра Аркадьевича». Ответы были отрицательные. Солдаты угощали детей конфетами. А один так весело сказал: «Поднимайте подошлы» и насыпал жменями сладостей и пряников.

Весь октябрь 1943 года нас сильно бомбила немецкая авиация.

Чернигове, может быть, и сейчас жива. В ближайших населённых пунктах были полевые госпитали, раненых везли на подводах или машинами. Помню, как один солдат просил: «Мамочка, дай воды, дайте водички, в груди всё горит». Если бы я захотела дать воды, то медработники не разрешили бы этого сделать.

В селе расквартировался женский полк. Девушки ходили в военной форме – гимнастерке, юбке, хромовых сапогах и ремнем на поясе. Нам казалось, что они так красиво были одеты. Кроме воинской службы, они для жителей ставили концерты. А как они красиво пели

Дети бегали повсюду и как-то не боялись смерти. Зашла я в соседский дом, а там сидит солдат с наушниками и говорит в микрофон: «Я – Орёл, я – Орёл». Через минуту сказал мне: «Бегите из села, скоро будут бомбить». В результате бомбежек и артиллерийского обстрела много было убитых и раненных военных, мирного населения и лошадей. Во время бомбёжки у одной женщины начались роды. Сама погибла, а девочка (Зина) осталась живой. В 1960-х годах она жила в

песни белорусские, русские и украинские!!!

Когда закончилась война, было массовое ликование – песни и танцы. А мама плакала. Мой отец погиб на днепровских берегах. А жизнь продолжается, время берёт своё. Растут внуки. Всем хочу пожелать только мира на Земле!»

Евгений АЛИМОВ,
директор Краеведческого музея г. Славутича и Чернобыльской АЭС

